

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

С.А. Никольский

ОТ «НЕЗНАКОМКИ» ДО «ХРИСТА». ЗВУЧАНИЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. По мысли Г.П. Федотова, поэт, наряду с философом и историком, выполняет «проясняющую и опознающую работу» и «нередко оказывается предвестником» надвигающихся перемен. В какой мере эта мысль заслуживает серьёзного отношения? Ведь признать за поэтом роль медиума явно не научно. Но, с другой стороны, среди литературных гениев есть в полном смысле слова провидцы. Вспомним хотя бы написанное в 1830 году «Предсказание» Лермонтова о «чёрном годе» России, когда «царей корона упадет». Предметом исследования в статье определяется поэтическое творчество Александра Блока в его содержательном и «провидческом потенциале». Методом анализа избрана установка Сергея Булгакова, согласно которой у читателя есть возможность строить собственную интерпретацию произведения посредством «суммирования мыслей и впечатлений, этими произведениями вызываемыми», равно как и концепт М.М. Бахтина, согласно которому, при восприятии поэтического произведения внимающий усваивает себе его «ритм, интонацию, артикуляционное напряжение, внутреннюю жестукуляцию» и, тем самым, начинает «мыслить и жить культурой». Новизна и вывод статьи состоит в том, что для всестороннего целостного анализа поэтического творчества А. Блока, которому, по его свидетельству, запечатлённое в стихах будущее давало о себе знать музыкой, требуется междисциплинарное исследование, которое бы осуществили литературоведы, поэты и специалисты в области музыкального творчества.

Ключевые слова: поэт, народ, поэзия, власть, творчество, музыка, философия, история, Блок, общественное сознание.

Review. It is Georgy Fedotov's idea that just like a philosopher and historian, a poet performs educating and identifying functions and often appears to be a messenger of approaching changes. To what degree does this statement deserve to be treated seriously? It would be obviously unscientific to admit that a poet can play a role of a medium. On the other hand, many literary geniuses have been prophets. A good example is Lermontov and his poem 'Prophecy' written in 1830 when Lermontov spoke of a 'dreadful year of Russia' when 'the crown of Russia shall fall'. The subject of the present research article is Alexander Blok's poetic heritage, its conceptual and prophetic potentials. The method of analysis is Sergey Bulgakov's statement that a teacher can create his own interpretation of a poem through 'summarizing thoughts and impressions thereof' as well as Mikhail Bakhtin's idea that a person who perceives a poetical work also perceives its 'rhythm, intonation, articulatory tension, and internal gestures' and, thus, starts to 'think and live according to culture'. The novelty of the article (and the main conclusion) is that the author emphasizes the need for interdisciplinary research in the integrated analysis of Alexander Blok's poetical writing who, as he said himself, felt the future in the music of his poems. According to the author, such analysis could have been made by literary critics, poets and experts in musical creativity.

Keywords: history, philosophy, music, creativity, government, poetry, people, poet, Blok, social consciousness.

***

Размышляя над поисками того, что можно было бы считать «вкладом» в нашу философию литературы, я долго не мог найти, что у Блока можно было

бы так именовать. В процессе работы с текстами других авторов у меня, само собой, сложились некоторые стереотипные ожидания. Но в отношении Блока они не работали. Я уже начинал сомневаться

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-03-00041
«Философское содержание поэзии «серебряного века»: прошлое для будущего».

в продуктивности самой затеи, когда понял: философичность у Блока спрятана в музыке его стихов. В этом кажущаяся разгадка и в то же, говоря словами Н.А. Бердяева, «самая большая и мучительная проблема поэзии: она лишь в очень малой степени причастна Логосу, она причастна Космосу» [1].

Блок, как Мандельштам и Ахматова, тоже поэт-медиум. Но если первые получают свидетельства о будущем посредством голоса, то автор «Двенадцати» слышит его музыку.

И сразу открылись казавшие прежде метафорой переданные Анненковым слова Блока: «Музыка есть сущность мира». В его стихах более смысла следует слушать звук. И, возможно, даже не столько мелодию – наиболее близкую со смыслом, сколько распределение звуков во времени – ритм и интервалы между акцентированными звуками – такт. Блока следует слушать. Но прежде несколько вводных тезисов.

***

Отношение послеоктябрьской власти к поэзии «серебряного века» не могло не быть противоречивым. Существовала большая группа поэтов, которых власть хотя и не приняла, но, как бы не замечала и до поры не преследовала. Был Маяковский, поклонник большевиков, однозначно ставший на их сторону и ими обласканный. Были мастера, Осип Мандельштам и Анна Ахматова, настроенные антибольшевистски, замалчивать которых, а тем более преследовать, по причине их величия власть начала не сразу. Был ненавидимый и в августе 1921 года расстрелянный Николай Гумилев. И был, наконец, Александр Блок, может быть самый большой мастер начала века, которого большевики после его смерти (в том же, что и Гумилев, августе 1921 года) попытались выдать за «своего».

Вот как, например, просвещал соотечественников своим видением творческого пути Блока преуспевающий советский литературовед лауреат Сталинской премии Вл. Орлов: «Отрешенный от реальной жизни лирик, целиком погружившийся в свои смутные душевные переживания, каким Блок начал свой литературный путь, вырос в истинно великого национального поэта, все творчество которого овеяно историческими, социальными, житейскими бурями его грозного, переломного, революционного времени». И далее: «...Октябрьская революция окрылила Блока как художника, вдохновила его на создание «Двенадцати» – лучшего его произведения» [2, с. 13-14].

В этом заключении «душевные переживания» если и не ставятся поэту в вину, то все же подаются как что-то ничтожное по сравнению с великими «историческими, социальными, житейскими бурями», а «Двенадцать» маркируется как вершина творчества.

К счастью, такая тенденциозная, но легитимированная властью трактовка поэзии Александра Блока не была единственной, а со временем и вовсе утратила положение доминирующей, уступив место свободному критическому анализу. Однако главный, стоящий перед исследователями вопрос так и остался дискуссионным: как поэт относился к революции и большевикам.

***

В недавних работах, обращаясь к творчеству «соразмерных» Блоку поэтов Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, равно как и прозаика Андрея Платонова [см.: 3; 4; 5], я ставил проблему в том же ключе, в каком она много ранее формулировалась Г.П. Федотовым. Напомню, что в его, посвященной Блоку статье «На поле Куликовом», она звучала так: «Новый подвиг, новая жертва – и новый грех – влекут за собой новую установку национального сознания. В этой опознающей работе участвуют, по следам исторического деятеля, проясняя его часто слепую интуицию, философ, историк и поэт. Но поэт и здесь нередко оказывается предвестником. Ему дано упреждать не только историческую мысль, но и самый исторический опыт» [6, с. 537].

Применительно ко времени расцвета поэзии «серебряного века» меж революциями 1905 и 1917 гг., действительно случилось то, что сменило установку национального сознания. На традиционной основе рабства и самовластья создан новый вид общественного сознания.

Однако после этой констатации Федотов формулирует истинную в своей противоречивости мысль: наряду с философом и историком, поэт выполняет «проясняющую и опознающую работу» и «нередко оказывается предвестником» надвигающихся перемен. Более того, по мнению Федотова, он способен «упреждать историческую мысль и исторический опыт». Здесь для формального мышления загадка явная: «прояснение и опознание» предполагает следование за событиями, в то время как «предвестие» возможно в ситуации опережения явления, которое может наступить завтра.

Что есть опережение, как оно существует в поэте, как маркируется для непосвященных? В русле

этого вопроса я и хотел бы предложить для рассмотрения следующее.

Будучи включенными как непосредственным, так и опосредованным образом в систему многообразных связей окружающего мира, люди осознают явления действительности, соотносят их с имеющимся личным и коллективным опытом, индивидуальной и общественной памятью, выработанными и желаемыми (нежелательными) представлениями о будущем. Среди нас есть особые, именуемые поэтами, которые не только обладают даром стихосложения, но, главное, посредством «помещенного в сердце ума» в обрамлении и посредством художественности умеют проникнуть в сердцевину происходящих явлений. При этом некоторые, особо одаренные (гениальные), даже протраивают траектории дальнейшего развития этих явлений, видят их будущие взаимосвязи и возникающие на этой основе новые общественные коллизии. О них говорят: умеют «видеть» завтра. В этой связи напомним лермонтовское «Предсказание».

*«Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнет бродить среди печальных сёл,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плач его с возвышенным челом» [7, с. 196].*

Как такие стихи стали возможны, как могут быть встроены в российскую реальность 1830 года? Какие тенденции каких общественных явлений прозревал в будущем поэт? (Наверное, в данном случае более уместно слово «провидел» и имя пророк. Именно это явление время от времени становилось метафизическим фокусом русской философской поэзии. Вспомним об одноименных стихотворениях Пушкина (1826) и Лермонтова (1841).)

***

То, что «предвестие», «упреждение», «пророчество» органично для гениев, обнаруживает себя двояко. Внутренним путем – из ценностно-смыслового содержания произведений и внешним – их собственными свидетельствами, равно как и заметками современников о том, как авторы создают тексты.

Вот, датированный августом 1917 года «Меганом», – мандельштамовское предвидение Октябрьского переворота. Характер надвигающегося будущего предчувствуется поэтом как неминуемо трагичный. Видение возникает из сверхрационального ощущения автора, помещающегося в «пространстве» бытия-небытия между живущими и умершими. Поэт – медиум. Он наблюдает, как под «ветряной луной» летают «хлопья черных роз» и траурной каймой влачится «птица смерти и рыдания». Об этом же дает знать и возникающий на горизонте «черный парус». Надвигающееся ужасно, избежать его нельзя.

Тотальному ощущению смерти посвящено и его стихотворение с рефреном «Твой брат, Петрополь, умирает». Но если северная столица близка к смерти, то Москва – «...в торговле хитрая лисица/...пред князем жалкая раба» – уже приспособилась к новой жизни и все увереннее правит волчьим миром. Правит потому, что в ней, «столице непотребной», в «разбойном Кремле» гнездится большевистская власть, от которой и проистекает смерть.

Поэт-медиум способен прозревать глубину настоящего и перспективу будущего только будучи причастен народу, его безмерному страданию и горю. Вспомним Ахматову, которая говорила о всеобщем поравнении людей смертью, о её тотальном и вневременном доминировании над всеми живыми.

*«Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, «стоятниц», пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы» [8, с. 527].*

(Стопятницами) именовали репрессированных женщин, которым позволялось проживать только за чертой больших городов – «за сто пятой верстой». Позднее, в послевоенном СССР была введена норма и понятие «сто первый километр».)

Но «причастность народу» для поэта – не внешнее (зряшное) описание конкретных страданий конкретных людей. Тем более, что такой же народ был и по другую сторону колючей проволоки – тот, который мучил и убивал. Поэт «причащается» народу в том же смысле, как и совершается причастие в церкви – через таинство приятия освященных хлеба и вина. Настоящий поэт не растворяется в народе, а как бы впускает народ в себя, проникается его страданиями и горестями, его жизнью, и таким образом начинает говорить от лица лишённого речи, безмолвного (вспомним Пушкина), говорит за него его голосом.

Это же – общее пребывание автора и народа в руках смерти – осознавал Андрей Платонов. Её царством он видел весь СССР. В одном из его писем находим ужасающие строки: «Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось. ...Всюду растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога – всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается» [9, с. 233].

О том, как пророчество физически входило и приоткрывало из творцов, нам сообщают их близкие. Мандельштам, по свидетельствам жены, Надежды Яковлевны, сочиняя стихи, как бы преодолевал удушающую горловую хватку, отрешенно бормотал, судорожно хрипел и на подвернувшихся под руку клочках бумаги записывал стихи. (*Этот жест точно передан в замечательном памятнике Лазаря Гадаева Осипу Мандельштаму, установленному в Воронеже.*) Ахматова, как вспоминают друзья, когда на нее снисходили стихи, почти неслышно «бурчала». Сочиняя, Андрей Платонов долго не находил выхода и страдал. (Однажды ночью, как сообщает исследователь его творчества, Платонов, проснувшись, даже увидел себя самого сидящим за столом и что-то пишущим) [10]. В конце концов, он научился говорить сам с собой. И от этого разговора-бормотанья те, кому было положено подслушивать, покрывались холодным потом.

***

Как воспринимал действительность Александр Блок? Анненков приводит слова поэта: «Вначале была музыка. Музыка есть сущность мира. Мир растёт в упругих ритмах... Рост мира есть культура. Культура есть музыкальный ритм» [11, с. 24]. Похоже, что как у Мандельштама «подслуши-

вание», у Ахматовой «бормотанье», у Блока поэзия возникала из музыки, из музыкальных звуков. Посредством особым образом устроенного слуха, способности внимать звучанию «высших сфер» гении поэзии доставляют на землю то, что открыло им небо. Это похоже на божественные сутры, приходящие во сне пророку Мухаммеду, которые он записывал после пробуждения.

Разве не о поэтическом видении и слушании у пушкинского «Пророка»?

*«...И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, –
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье» [12, с. 86-87].*

О том, что Блок слышал музыку мира, говорит Фёдор Степун: «Без учета блоковского понимания музыки не в смысле искусства, а в смысле мистической первоосновы истории, в Блоке ничего нельзя понять, так как и революцию он с первых же моментов ее возникновения начал ощущать как зарождение новой музыкальной волны. Все это не имеет ничего общего с революцией в понимании революционного марксизма» [13, с. 599].

Интерпретация философской поэзии Блока дело намного более сложное, чем в случае Мандельштама и Ахматовой. Там мы сталкиваемся с облеченными в метафоры смыслами. У Блока смыслы нужно извлекать из звучаний. Но как уловить звуки, тем более соотносить их с теми, которые слышал поэт?

Наверное, в этом случае не остается иного, как прибегнуть к рекомендации отца Сергея Булгакова, который в своих работах, посвященных исследованию философского содержания творчества А.П. Чехова в качестве метода анализа мировоззрения его героев предлагал читателю проводить «суммирование мыслей и впечатлений, этими произведениями вызываемыми» [14, с. 592]. Но где гарантия того, что вызываемые у нас мысли и впечатления того же рода, что мысли и впечатления художника? Она только в общем предмете рас-

смотрения и схожести наших и автора страданий. По мысли Льва Толстого, «мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение» [15, с. 373]. Или не найти и продолжать страдать.

Идея Булгакова о мыслях и впечатлениях, произведениями вызываемых, согласуется с пониманием культуры у М.М. Бахтина. Открытая им гуманитарность мышления меняла представление о ее естественнонаучной парадигме, в котором одна мысль отторгается от другой. Гуманитарность мышления означала утверждение смыслового общения между автором и читателем лишь в ситуации субъект-субъектных отношений, которые, в свою очередь, возникали только в ситуации диалога, когда на слово автора являлось ответное, равное авторскому, читательское слово.

Бахтин открыл, что читатель воспринимает вовсе не слово как нечто вещное. Авторское слово для него есть выражение «ценностной активности, проникающей в содержание и претворяющей его. Так, при чтении или слушании поэтического произведения я не оставляю его вне себя, как высказывание другого, которое нужно просто услышать и значение которого ...нужно просто понять; но я в известной степени делаю его своим собственным высказыванием о другом, усваиваю себе ритм, интонацию, артикуляционное напряжение, внутреннюю жестикоуляцию...» [16, с. 58-59].

В авторской речи, конкретизируют бахтинскую позицию С.С. Неретина и А.П. Огурцов, «только и оказывается возможным диалог разных речевых жанров; где любое высказывание (единица речи), по сути, направлено на провокацию ответа или вопроса со стороны лица, внимающего этому высказыванию. Оно является границей другого высказывания». И далее: для возникновения такого рода речи «необходимо погрузиться одновременно в текст и в глубину самого себя, в самосознание, то есть мыслить не о культуре, а мыслить и жить культурой» [17, с. 253].

Такое же соединение авторской и читательской речи и звучащей в стихах музыки происходит и при восприятии музыки стихов Александра Блока. Спит или бодрствует автор в «Незнакомке» (1906)? Вменяем или отрешен? Материален ли, обладает ли телом или он только дух? Вопросы эти вряд ли требуют определенного ответа, так как с первой строфы мы погружаемся в себя и в себе слышим музыку блоковского стиха:

*«И странной близость закованный
Смотрю на темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль»* [18, с. 394].

Мелодия «Незнакомки» звучит во многих стихах. Так, она повторяется во «Втором крещении» (1907). Поэт живет как бы поверх жизни, ощущая себя частицей Мироздания, которая то существует вне тела, а то, обретя его, замерзает в метели:

*«И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?»*

*Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – Смерть»*

[19, с. 11].

Наверное, мелодичность, ритмика и такт стихов в сочетании с их смысловым содержанием – отдельная междисциплинарная тема для поэтов, литературоведов и специалистов в области теории музыки. То, что такое исследование возможно, отчетливо видно, например, из следующего литературоведческого разбора большого стихотворения «Скифы»: «Пятистопные ямбы с мужскими окончаниями эффектно сменяются четырехстопными строками с окончаниями женскими: сначала удар, выстрел – потом его протяжное эхо. Причем в первых двух строках метрический узор отличается от основного фона. В конце первой – пятистопная строка: «С раскосыми и жадными очами» – а в конце второй – трёхстопная: «Монголов и Европы». После этих двух сложных аккордов риторическая инерция берет свое. Музыка, но монотонная. И слишком часто вступает барабан» [20, с. 316].

Не принадлежа ни к одной из перечисленных профессиональных групп, предложу для возможного комплексного исследования несколько, на мой взгляд, родственных стихов.

Вот, например, обращения к Родине:

*«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?»*

*Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...
.....*

*Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?»
(1910) [18, с. 156].*

И как бы в развитие заявленного смысла, в той же ритмике и мелодичности – стихотворение «Коршун»:

*«Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.
В избушке мать, над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».
Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?» (1916) [19, с. 249].*

Еще большее сближение как в содержательном, так и «провидческом» потенциале обнаруживают также подтвержденные и хронологией

(январь 1918 г.) знаменитые «Скифы» и поэма «Двенадцать». В обоих – гигантский размах, сопровождающий как готовность степняков сразиться с Западом, так и всероссийский переворот, устроенный большевиками. «На днях я лежал в темноте с открытыми глазами, – записывал Блок 9 января 1917 года, – слушал гул, гул; думал, началось землетрясение», – приводит блоковские строки Степун. И продолжает: «Через два дня гул начал превращаться в музыку, но в музыку, отмечает Блок, иную, чем ту, которую он слышал всю свою жизнь. На мгновение мелькнула привычная, подсказанная Соловьевым мысль, что началось восстание желтого Востока против Запада, но вдруг стало ясно: не гул землетрясения, не шум желтых полчищ, а мировая музыка крушения старого мира» [13, с. 604].

То, что Блок слышал как «музыку крушения старого мира», другими воспринималось не дифференцированно, схватывалось и обозначалось общими словами. «Внезапно все почувствовали себя на краю бездны, стремительно поглощающей все прекрасное, великое, дорогое, незаменимое. ... Зрелище это вызывало священный трепет, было исполнено щемящей тоски и зловещего смысла», – пишет, например, Нина Берберова [21, с. 251].

Блок умер. И «через несколько месяцев уже ничто не напоминало об этой поре русской жизни. Одни уехали, других выслали, третьи были уничтожены или скрывались. Приближалась новая эра» [21, с. 252]. А у нее были свои образы, свои звуки и свои писатели и поэты, которые, подобно медиумам, считывали настоящее и пророчествовали о будущем.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. В защиту А. Блока // Александр Блок: Pro et Contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. Антология / Подгот. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2004. 535 с. С. 452-456.
2. Орлов В. Александр Блок. Предисловие // Блок Александр. Избранное: стихотворения и поэмы / Сост., предисл. и примеч. В. Орлова. 7-е изд. М.: Дет. лит., 1978. 191 с.
3. Никольский С.А. Поэт и Власть. (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков») // Философия и культура. 2013. № 6(66). С. 806-815.
4. Никольский С.А. Голос и молчание. Анна Ахматова // Философия и культура. 2014. № 6(78). С. 841-848.
5. Никольский С.А. Живое и мёртвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 110-120.
6. Федотов Г.П. На поле Куликовом // Александр Блок: Pro et Contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. Антология / Подгот. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2004. 535 с. С. 537-558.
7. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2001. Т. 1.
8. Ахматова Анна. Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. 1007 с.
9. Платонов Андрей. «...я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.). М.: Астрель, 2013. 685 с.
10. Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2011. 560 с.
11. Анненков А.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий. М.: Вагриус, 2005. 732 с.

12. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 2.
13. Степун Ф. Историософское и политическое мирозерцание Блока // Александр Блок: Pro et Contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. Антология / Подгот. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2004. 535 с. С. 595-608.
14. Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // Путешествие к Чехову / Сост. В.Б. Коробов. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 590-621.
15. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 166-395.
16. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
17. Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 344 с.
18. Блок Александр. Собр. соч.: в 6 т. Ленинград: Художественная литература: Ленингр. отд-ние, 1980. Т. 1.
19. Блок Александр. Собр. соч.: в 6 т. Ленинград: Художественная литература: Ленингр. отд-ние, 1980. Т. 2.
20. Новиков В. Александр Блок. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2010. 368 с.
21. Берберова Н. Блок и его время. М.: Астрель, 2012. 252 с.

References (transliteration):

1. Berdyayev N.A. V zashchitu A. Bloka // Aleksandr Blok: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov. Antologiya / Podgot. N.Yu. Gryakalova. SPb.: Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta, 2004. 535 s. S. 452-456.
2. Orlov V. Aleksandr Blok. Predislovie // Blok Aleksandr. Izbrannoe: stikhotvoreniya i poetry / Sost., predisl. i primech. V. Orlova. 7-e izd. M.: Det. lit., 1978. 191 s.
3. Nikol'skii S.A. Poet i Vlast'. (Zametki o vospriyatii Osipom i Nadezhdoi Mandel'shtam «vremeni bol'shevikov») // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 6(66). S. 806-815.
4. Nikol'skii S.A. Golos i molchanie. Anna Akhmatova // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 6(78). S. 841-848.
5. Nikol'skii S.A. Zhivoe i mertvye: puteshestvie Andreya Platonova po tsarstvu smerti // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 110-120.
6. Fedotov G.P. Na pole Kulikovom // Aleksandr Blok: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov. Antologiya / Podgot. N.Yu. Gryakalova. SPb.: Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta, 2004. 535 s. S. 537-558.
7. Lermontov M.Yu. Poln. sobr. soch.: v 10 t. M.: Voskresen'e, 2001. Т. 1.
8. Akhmatova Anna. Poln. sobr. poezii i prozy v odnom tome. M.: Al'fa-kniga, 2010. 1007 s.
9. Platonov Andrei. «...ya prozhil zhizn'». Pis'ma (1920-1950 gg.). M.: Astrel', 2013. 685 s.
10. Varlamov A. Andrei Platonov. M.: Molodaya gvardiya, ZhZL, 2011. 560 s.
11. Annenkov A.P. Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragedii. M.: Vagrius, 2005. 732 s.
12. Pushkin A.S. Sobr. soch.: v 10 t. M.: Pravda, 1981. Т. 2.
13. Stepun F. Istoriosofskoe i politicheskoe mirosozertsanie Bloka // Aleksandr Blok: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov. Antologiya / Podgot. N.Yu. Gryakalova. SPb.: Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta, 2004. 535 s. S. 595-608.
14. Bulgakov S.N. Chekhov kak myslitel' // Puteshestvie k Chekhovu / Sost. V.B. Korobov. M.: Shkola-Press, 1996. S. 590-621.
15. Tolstoi L.N. Tak chto zhe nam delat'? // Tolstoi L.N. Sobr. soch.: v 22 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. Т. 16. S. 166-395.
16. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s.
17. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. Vremya kul'tury. SPb.: Izd-vo RKhGI, 2000. 344 s.
18. Blok Aleksandr. Sobr. soch.: v 6 t. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura: Leningr. otd-nie, 1980. Т. 1.
19. Blok Aleksandr. Sobr. soch.: v 6 t. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura: Leningr. otd-nie, 1980. Т. 2.
20. Novikov V. Aleksandr Blok. M.: Molodaya gvardiya, ZhZL, 2010. 368 s.
21. Berberova N. Blok i ego vremya. M.: Astrel', 2012. 252 s.